

Г

аражи теперь теряют свою значимость для мужчин. Если уже не потеряли.

Какой дурак теперь будет через весь город на общественном транспорте переться, чтобы вывести свою ласточку из гаража и смотаться на ней до дачи или в деревню к родителям? А ведь раньше бывало. И ведь вернешься и ставишь ее, драгоценную, обратно в гараж. А сам тащишься через весь город с мешками да кошелками на троллейбусе — бензин ведь не казенный, опять же износ деталей. Бережешь. И такое бывало.

Хороший гараж для мужика был мечтой. Чтобы стены не кривые-косые, а из крепкого кирпича, накрайняк из шлакоблока. Чтобы крыша надежная, по уму, задраенная, прогудроненная, чтоб, лей хоть как перед Всемирным потопом, ни капли не просочилось. Чтоб балки в рельс толщиной по стенам вмурованы до потолка, полки на них, стеллажи, прочные, надежные — хоть движок туда, если что, взгромозди, хоть крестовину — выдержат. На полках этих — все, для автовладельца самое необходимое. Плюс кое-что еще, на все случаи жизни, самые непредвиденные. С одного боку — вешалочка, инвентарь. С другого — столик для самых разнообразных занятий, у многих и верстачок, и станочек. Яма смотровая — это обязательно,

и погреб, чтоб сухой был, чтоб весной не заливало. В погребе этом запасов, солений, квашений, маринадов — на пару ядерных зим. Ну и в бутылках двадцатипятилитровых — у кого на смородине, у кого на яблочках, у кого и на винограде: он в наших краях как раз для такого дела, в еду-то вязковат. Зайдешь, они тебя перчаточками приветствуют, обнадеживают. Дескать, погоди немного, отдохнешь... А как растопырится ладошка — все, пора, получай заслуженную пятерку.

А уж если гараж в двух шагах от дома — вообще сказка. Бывало и такое везение, бывало. Но если и за пятнадцать остановок от тебя — тоже ведь счастье. Потому что свое, сугубо мужское. Территория свободы. Через весь город благоверная просто так не потащится. Тут не вопрос даже, что выгнывает: во дворе ракушка или капитальный гараж на окраине? Разного порядка вещи, все равно что сравнивать противотуманку с ходовой частью.

Сейчас и ракушек никаких не осталось, власти запретили, поносили. А гаражи еще стоят.

Хотя сдают бывлые позиции. Машин у народа все больше, каких только иномарок нет, по две-три на семью случается. А культуры отношения к ней как к своей, как к единственной и неповторимой, все меньше. Приехал с работы, бросил во дворе под окном — все, промокай до утра. Еще и скажет, если дождем ее прополощет: «О, на мойку не надо, задолбись». Так хорошо еще, если под своим окном приткнешься, а то и под соседским. А то и за квартал от себя — все же такие, у всех свои ласточки, всем приткнуться где-то надо. Кто не успел, тот опоздал. Нет, строят сейчас и с парковками: и подземными, и надземными, и на крышах. Но мало их еще, откровенно мало. И потом, что такое парковочное место? В лучшем случае пятак, где она стоит под замком, в сухости и сохранности. В худшем — плесень да паутина. Да и по цене это удовольствие — как два гаража капитальных. А то и три. Никакой культуры.

Сейчас это — как плюнуть, обычное дело: бросил ее где-то на детской площадке, она стоит, масло подтекает. Ребятишки тут же возьмется, чучкаются. Экология... А почему подтекает? Да потому что наплевать, отгноя годика три, сброшу. На вырученные плюс кредит — новую подгоню. Сейчас же все в кредитах по уши погязли. А им только этого и давай, чтобы мы из этих удавок — никуда. И вот стоит она. Ребятня по ней — мячиком или так толкнут. Она — визжать! У всех же — сигнализации, на все лады, на все голоса, совершенствуется прогресс. Сигнализация, ясно, от взлома не спасет. Тем паче от угона. Захотели угнать — угонят, что б ты на нее ни ставил. Так и на это народу нынче наплевать: бог дал — бог взял, такие настроения. И вот она и визжит, и орет, и горлопанит! Надрывается, исходит. А хозяин — за три квартала отсюда, он и не слышит ни фига или спит давно. А всем остальным, под чьими окнами, — хоть танцуй всю ночь под аккомпанемент.

Вот и звереет народ — поджигают, до такого дошло, сколько случаев. Или краской плеснут, или резину продырявят. Один знакомый — так для таких случаев даже ножичек специально носил. Перочинный. Идет себе, чья-то ласточка на тротуаре стоит в неполюженном месте, ему путь домой или куда там перегораживает. Он ножичек достает и мимоходом, невзначай, по капоту или по багажнику ее, и корезит с изгибами и кренделями, вроде росписи. Сволочь, конечно. Но, с другой стороны, борец за культуру парковок и антискотского сосуществования. Хам, если ему интеллигентно сюсюкать, только посмеется да обматерит. Добро должно быть с чем? Хотя бы с перочинным.

Тем более владеть что и на парашину по капоту всем наплевать. ОСАГи, КАС-Ки, автоюристы-авантюристы — только давай, еще и наварим на этом. Так для чего в нынешних условиях гараж? Так, ненужное обременение. Излишнее.

Но это с одной стороны. А с другой — это, друзья мои, культура. Уходящая, но еще живая. Еще трепыхающаяся и не сдающая. Кое-где. Тем более, что и в наши прогрессивные времена возможны некие извивы растущего благоденствия, образующие своего рода островки, лагуны относительной устойчивости или даже стабильности. Хрупкой, само собой. До поры до времени. Так ведь все до поры!

* * *

Гаражи на улице Есенина раньше были самые-самые задохлые тягулы. Кооператив там образовали, когда колхозы вокруг города уже распались, а жилищное строительство еще только раскачивалось, чтоб начать победное шествие по долинам и по взгорьям окрестных садов, лугов и пашен. Строили гаражи в чистом поле, вокруг оказавшихся брошенными и бесхозными таких же чистых полей. Выстроили на кооперативных началах. Дорожку протянули от трассы, уходящей из города на запад. Сначала — гравий с песочком, потом и на асфальт накопили. Хватило на четыре двойных ряда, спина к спине, в каждом — гаражей по пятнадцать. Долгое время так и маячили они в чистом поле, метрах в трехстах от трассы, открытые всем ветрам и осадкам. Потом город стал приближаться. С одной стороны вплотную к кооперативу девяти-, десяти-, шестнадцати — и так далее этажками подоткнулась некогда вшивенькая, а теперь инфраструктурная и многофункциональная улица Есенина, с другой — возвели торгово-развлекательный центр, и его тут же стало переть, как на дрожжах, чтобы развлекать и втюхивать еще больше.

Кооператив оказался меж двух обильно удобренных цивилизацией пространств, как щиколотка незадачливого инвалида между створок скоростного лифта. Понятно, что существовать этим четырем сдвоенным рядам оставалось недолго, выглядели они на фоне нависших с обоих боков громад досадным, но вполне операбельным рудиментом. Среди собственников и арендаторов гаражей давно ходили слухи, периодически безоговорочно подтверждавшиеся, что ряды непременно снесут, отдав то ли под очередную высотку, то ли под парк аттракционов, то ли под спортивный комплекс имени уроженки города, победившей всех врагов на очередной Олимпиаде. Наконец председатель кооператива на общем собрании официально сообщил, что да, есть соответствующее распоряжение: быть тут новым корпусам торгового центра, сроку всем убраться — до конца года, а по весне, глядишь, и впрямь все ряды снесут.

На третьей линии кооператива роковое известие восприняли философски. Из завсегдатаев оставалось тут всего пятеро, большинство гаражей давно простаивали безлошадными, только всякий хлам в них пылился. Изредка появлялся дедок Перфильев, чтобы прогреть и протереть свой «жигуленок», на котором давно никуда не выезжал, да ставил красный «Логан» в доставшийся от деда гараж молодожен Вася. Но эти двое с завсегдатаями почти не общались: дедок — в силу своего скупердяйства, молодожен — по причине не обсохшего на губах молока. Из всей пятерки к изначальным владельцам никто не принадлежал. Каждый оказался на

третьей линии по мере застройки все более уходящей ввысь улицы Есенина. В окрестных домах все и проживали.

Раньше других дядя Серожа гараж приобрел, еще при живой жене, когда их домишко на Левом берегу снесли, предоставив взамен однокомнатную в пятиэтажке. С доплатой, то есть, и на гараж еще хватило. Благоверная лет уж пять в райских кущах амброзию вкушает, машину дядя Серожа давно загнал по дешевке, а гараж вот ни продать, ни в аренду сдать не получается. При чем цену дядя Серожа не ломит, но есть подозрение, что не особо и старается сделку повернуть. Ну, сбавит с рук — и сиди тогда в однокомнатной, с пачкой купюр под матрасом. А с кем тогда общаться? Тем паче теперь, когда слухи о сносе подтвердились, нет смысла суетиться. Снесут — глядишь, компенсация выпадет. Обязательно выпадет, закон на страже.

Вот Леше Давкину от сноса никаких дивидендов. Он-то как раз арендует, поскольку близко к жилью. У него, между прочим, «Мицубиси Лансер», не из последних, лет восемь уже, но лучше, чем новенькая. Так Леша — профессионал, маршруточник, понятно, что и форма, и содержание — на высоте. Гаражи у них с дядей Серожой бок о бок. Дядя Серожа уж сколько раз ему предлагал: ставь свою прокаченную ко мне за символическую доплату, зачем деньги на ветер? Только Леша ни в какую. «У тебя, — говорит, — дядя Серожа, бардачище, как в свинарнике. А техника порядком любит. И надежные мужские руки». Ну и переплачивай чужому дяде, раз такой умный.

Таможенник Бабешкин и предприниматель Петрович напротив дяди Серожи и Давкина расположились. Появились почти одновременно, и живут в одном доме, в высотке. Ну, Петрович какой предприниматель — на первом этаже квартиру из жилого в нежилое перевел, открыл не поймешь что — канцтовары, фото на документы, нитки-иголки, копировальные услуги. Каждой твари по швали, в общем. Кредитов понабрал — внукам расплачиваться хватит. И рассекает на «КИА Спортейдж». Так в кредит и живет, не заморачивается.

А у Бабешкина Антона Викторовича, само собой, «БМВ», «икс третий». На «пятый» с «седьмым» еще не нахапал. Хотя все впереди, его недавно на таможене каким-то полуначальником сделали.

Последним к великолепной четверке Боря присоединился. Его гараж в том же ряду, что у Бабешкина с Петровичем, наискосок от Давкина, под углом в сорок пять. Боря действительно мичман, даже старший. То ли Северного флота, то ли Тихоокеанского. Скорее, последнего, поскольку «японка» у него праворульная. «Тойота» неведомой в наших краях и труднопереводимой масти, давно с производства снята. Боря вообще не из здешних мест: не то в Казахстане родился, не то в Киргизии. Но русский, как уверяет. Глаза, действительно, не среднеазиатские. Скорее, ближневосточные. Навыкاته, коровы такие. Можно было бы сказать, «бычьи», можно, если вы Бору не знаете. Личико острое, хотя смугловат, даже очень. Вообще-то, если честно, полуеврейский такой тип — чисто внешне. Характер-то у Бори — русак русаком.

А вот жена его — из местных. Зафрахтовалась когда-то рыбные консервы штамповать — то ли на Шикотан, то ли на Итуруп. Там ее Боря из своего перископа и высмотрел. Ну, а после героического подводного рейда протяженностью в девять месяцев — как не взыграть ретивому! Так и стали вместе куковать. Ну, как вместе: Боря в рейд, жена с причала платочком машет. Двух ребятишек, однако, намахали, девчонку и пацана.

А когда выслужил Боря, что положено, у супруги вдруг nostalgia обр-зовалась. По местам ее бывлой девичье-половой славы. И еще с пяток профессиональных рыбо-штамповочных заболеваний. Вот и приехали. Места у нас, действительно, славные, а для подхвативших профессиональные болячки на суровых окраинных островах и вовсе благоприятные. Отпрыски с ними не подались. Дочура уже замуж выскочила, тоже за моряка, тоже военного. Пацан учиться поступил, там же где-то, во Владике, но вроде бы по гражданской стезе пошел, не в папу.

Ну, а Боря с женой здесь кукуют. В целом, приемлемо, по-людски. Дачку подкупили, гаражик. Наверно, и праворульку свою он мог бы поменять при желании. Но отчего-то он к этой воible японской прикипел. Ковыряется в ней, сушеной. Чужая душа — потемки. Молодежь к ним подъезжает в отпуск и на каникулы, пока так. Но девять месяцев в году, а то и одиннадцать, они с благоверной тет-а-тет, нос к носу, характер к гонору. И выяснилась любопытнейшая деталь: за годы своих героических экспедиций по дну Мирового океана не смог наш славный мичман понять и уяснить, что супружница его — форменная стерва. Ну, занят был человек на секретном поприще — некогда разобраться. Зато теперь сволочная эта ее сущность проявлялась во всем: от «куда носки бросил» до «чего на диване развалился», от «куда мои глаза раньше глядели» до «ты мне всю жизнь, козел, испохабил». Надо ли говорить, что слово «козел» для мужчины, тем более воина со званием — не просто неприличное, а невозможное. Категорически.

Мичман на тему: почему так получилось, — размышлял. Почему спокойная и преданная, как ему казалось, женщина вдруг стала вздорной, бешеной и практически неуправляемой мегерой? Нет, преданной она, пожалуй, была и сейчас, в том смысле, что считала его своим неотъемлемым придатком. Которым можно всячески вертеть, управлять, распоряжаться, командовать. Мичман к командам и распоряжениям привык, но то были приказы вышестоящего начальства. Почему жена вдруг стала вышестоящей? Почему он вдруг оказался в положении нерадивого, шкодливого и безалаберного салаги, которого надо шпынять и наказывать? За годы службы ни высканий, ни порицаний он не имел, одни поощрения и благодарности. Не считая наград. Женины болячки, конечно, играли свою роль, Боря делал скидку, но в то же время понимал, что в процессе их перехода к совместной мирной жизни упустил какой-то важный момент, когда надо было решительно и безоговорочно взять командование в свои руки. Отчего-то и почему-то этого не произошло. Может быть, оттого, что к мирной гражданской жизни без команд и приказов он не привык. Не был готов. Вот и оказался в положении подразделения, которому дан невыполнимый приказ. Но надо выполнять, надо лезть вон из кожи на бордаж, иначе никак. Да и нет никакого «иначе» — присягу давал (или как оно там, в ЗАГСе, называется), не шутка.

Так и пошло. Выслушав очередной, объявленный женой наряд вне очереди, Боря поглаживал мизинцем правой руки усы, смежал и размежал печальные оливковые очи, вдыхал и выдыхал небогатырскими, но привычными к дефициту кислорода легкими, а потом шел и выполнял. В точном соответствии с полученными указаниями. Но что-то нехорошее, что-то возмущенное и неукротенное, что-то чреватое разрывом аорт и сухожилий в небогатырской груди накапливалось.

Кстати, об усах. Усы действительно замечательные. Сверху-то Мичман уже сесть начал, да и редковато на башке. А усы — безупречный

каштан с вороним отливом. А еще эти усы имели удивительное свойство жить отдельной от их владельца жизнью. Сам-то Боря характера ровного, покорно-печального, ослик из детской книжки. А насаждения под носом — полная непредсказуемость, холера суцая. Наверно же, Боря за ними ухаживал, и расчесывал, и подрезал, чтобы в рот не лезли, чтобы закусь из них не выковыривать. Но усы могли и свисать по-запорожски до подбородка, и залихватски закручиваться к ноздрям, как крендельки беззаботных дворняжек, и благородно возлежать над верхней губой, слегка подкручиваясь к отверстию, и по-корсарски безудержно разлетаться на волю всем ветрам и завихрениям.

* * *

Примкнув к четверке гаражных мушкетеров, Мичман отнюдь не стал пятым колесом в телеге. Отнюдь. А даже как-то зацементировал это непрочное и, в общем, случайное сообщество.

Дело в том, что руки у него не просто золотые, а бриллиантовые. Или, с учетом его предыдущего рода деятельности, из какого-нибудь редчайшего сверхсуперпуперсекретного сплава высочайшей пробы и уникальной стратегической значимости. А голова — как у нахватавшегося рентген мутанта, чудо-гения по технической части. Именно по технической, в основном-то наш Мичман телок телком. Но что касается автотехники (любая марка любой модели!) — разберет-соберет, и будет как новенькая. Любая загогулина, любой чих — попыхтит в свои каштановые, репу облученную почешет, и выдает точный диагноз, никакому компьютеру не снилось. Неизвестно, к каким-таким государственным тайнам был наш Боря приставлен, защищая подводные рубежи необъятной Родины, но наблатыкался он там на десяток КБ с НИИ. Чем командование думало, отправляя такой светоч в отставку, непостижимо. Не головой однозначно, не головой.

До того, как бравый Мичман в гаражах возник, Петрович с Бабешкиным к Леше подъезжать пытались насчет советов и консультаций. Да и чего б не закинуть удочку обслуживания с ремонтом. По-соседски, между нами, мужиками, между своими-то, ты ж профессионал, тебе не трудно и не в облом. Но с Леши — где сядешь, там и слезешь. «Услуги автосервиса, — говорит, приподняв майку и почесывая оголенный пузень, — в нашем государстве поднимаются на все более заманчивую высоту. Мне, — чешет пузо, — за смену и в автопарке этих выхлопов с трансмиссиями вполне достаточно, так что в богом и арендной платой спасаемый кооператив я прихожу только отдохнуть в вашей приятной компании. А тех, кто хочет и здесь эксплуатировать мои профессиональные навыки, я ненавязчиво, но четко посылаю на уже упомянутую высоту». То есть, дал понять — доброжелательно, но конкретно. Ипэшник с мытарем поняли.

Но тут Боря возник как манна им. Такая голова с руками — и такой телок. Через месяц, а то и раньше, и таможенник, и Петрович про всякие автосервисы думать забыли. Зачем — вот он, мастер на все руки и случаи, бывший герой-подводник, а ныне горе луковое, безотказный ослик Иа-Иа Каштановые Усы. Сойдутся, подзаправят его, потрандят про семейные ценности, жен-детей с внуками, про оскал империализма, а потом: «Слушай, Борь, что-то в моей подсвистывает, и колодки...» Или: «Я тут, товарищ старший мичман, на юга с семейством собрался. Уж ты бы посмотрел мою — в общем и целом. Не в падлу, а?»

И Боря смотрел, копался, ковырялся, подлезал, елозил, вылизывал. Чем дальше, тем больше. Уже как в порядке вещей, как так и водится. Справедливости ради подчеркнем, что тачки у них — да, не самые убитые. Но совесть-то надо иметь? Подгонит этот Бабешкин свою «Бэxu»: «Слышь, Борь, че-то там с центровкой у моей, че-то вроде влево перекашивает». И Боря корячится с этим «че-то», пыхтит. А спекулянт с казнокрадом поплевывают: «Ну, че там засел? К завтраму-то справишься?» И подливают, гады.

Давкин, конечно, такое не терпел.

— Мичман, — говорит, — где твоя морская доблесть? Ты им за поллитру ремонт на полсотни тыщ делаешь, не меньше. Иди ко мне, я тебе и так налью, за священные узы боевого товарищества.

Но Боря только посасывал непослушные усы и продолжал копаться в чужой тачке, пока не выискивал и не устранял дефект. Петрович, разминая телеса, расписывал прелести грядущего — «спортивного, на колесах, в автокемпинге» — отдыха на югах, не забывая напоминать о непредсказуемых трудностях автопутешествия туда и назад. А поджидающий своей очереди Бабешкин нахваливал суперсупермастерство бывшего подводника, не забывая подливать. Леша морщился, кривил нос и, приподняв майку, чесал выпирающее пузо.

Только дядя Серожа Мичману всегда помогал, на подхвате. Мичман под тачкой копошится, а дядя Серожа рядом, на корточках, посасывает мороженое. Любимое свое — крем-брюле в вафельном. Всегда готов откликнуться: Боре разводной ключ понадобится, масленка или амперметр — а вот, пожалуйста; дяляги или Леха накатить призовут — а с превеликим удовольствием, вот и стаканчик свой собственный.

Иногда Мичману прямо туда, под тачку подсовывали. Это когда долго, когда покумекать надо. А так, закончив и радостно взъерошив рукавом свои каштановые, он подходил вместе с суетливым сморщенным «гасконцем» либо к зажравшимся Атосу с Арамисом, либо к скептически почесывающему переднюю округлость Портосу.

— Ну, все, — говорил, покорно тараща свои не то коровьи, не то ослиные, — как будто. Побежит — не догонишь.

А усы жили своей жизнью, то пиратски-расхристанной, то благообразно-иночьею.

Потом, как правило, партии объединялись и расходились под общие разговоры уже на повышенных тонах, впрочем, вполне безобидных, за грань не переступающих.

* * *

Третьего июля у Бори колесо скоммуниздили. Прямо во дворе. Одно.

Три колеса стоят — одного нет. Левого заднего. Кирпичики аккуратно под ось подложены, чтоб не покосилась. Что интересно, на трех оставшихся — секретки. А на левом заднем ее не было. Ну, не было и все. Да, Боря аккуратист до занудства, но вот на левое заднее секретку не поставил. На три остальных поставил, туда — нет. Почему — бог весть.

Он машину вообще-то ставит левым боком к стене дома, впритык. Там пятачок такой забетонированный, он и приноровился, вроде как его персональное место. Все соседи в курсе. Жена из машины вылезет, он к стене и приткнется. Нормально. А тут с дачи приехали — чей-то джипяра приبلудный на пятачке раскорячился. Где тут хозяина искать? Боря и

пристроились у трансформаторной будки, слева и справа соседские колымаги подпирают. Вернулись с дачи уже в одиннадцатом часу, наутро опять собирались — что случится-то за ночь?

Вообще, по нынешним временам, чтобы колеса прямо во дворе скручивать, каким идиотом надо быть? Тут семьсот квартир внутрь колодца дворового смотрят. Круглосуточно, по периметру.

Вот тебе и досмотрели. У семисот нянек... Главное, машин во дворе — все стоят, хоть бы хны. А именно Борино колесо какому-то козлопану понадобилось. Именно сегодня.

Мимо сосед знакомый идет, Гасилов. Положительный мужик.

— Та-та-та! — остановился, руками разводит. — Это что ж творят изверги!

Боря очи горе.

— Не пиликала? — сочувствует Гасилов. — Аккуратно сняли. Наверно, под утро, часу в четвертом-пятом. Самые мертвые часы.

— На дачу, блин, собрались, — дует в усы Боря.

Гасилов — само участие:

— Запаску надо. Запаска-то есть?

— В гараже, — мычит Боря, — в гараже запаска...

Боря вообще-то в гараже свою праворульку обычно и оставляет. Гараж под боком, через четыре дома — смысл ей во дворе ночевать, зачем тогда гараж? А тут благоверная на даче варенья наварила. На клубнику в этом году урожай, она и варит. Дочка с зятем в Адлер подалась, у сына еще сессия — живую не поедят, так хоть вареньем. А наварила до черта. «Надо, — говорит, — домой вывозить». Боря запаску в гараже и оставил, чтобы больше банок в багажник загрузить. И то все не влезло. Сегодня и собирались с утра, второй ходкой. «Нечего тебе, — говорит, — по ночам в гараж таскаться. А мне потом еще утром тебя ждать. Ставь под окнами, ничего с ней не случится».

Вот тебе и ничего! Варенье, блин, хреново!

Гасилов поохал-повздыхал. Усмехаясь, небось, внутри над растяпой. А тут и благоверная — марафет закончила, к дачным трудам готовая. Гляделками блямс-блямс, варезка — до асфальта.

И разворачивается во всей красе и мощи такое **МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ДЕЙСТВО**:

БЛАГОВЕРНАЯ (на весь двор, во всю варезку):

— А-а-а! Чудо ты юдное, я ж тебе, недоумку, говорила!

МИЧМАН (про себя):

— Ты? Ты — мне? Глаза твои бесстыжие... (Вслух.) Блин, так и так, кто, что и кому говорил, уточним позднее. Сейчас в гараж за запаской мотнусь, поставлю — на всю операцию полчаса максимум.

БЛАГОВЕРНАЯ (на весь двор, с оттяжкой и нескрываемым торжеством):

— А-а-а! Знаю я твою полчаса! На полдня там с алкашами своими зависнешь! Опять целый день псу под хвост!

ГАСИЛОВ (делает непроницаемое лицо и, внутренне ухохатываясь, благоразумно ретируется).

БЛАГОВЕРНАЯ (на весь двор):

— А-а-а! И за что мне страсти такие! И за что мне горе это луковое, недоумок, растяпа, алкаш, козлиная!

МИЧМАНСКИЕ УСЫ (извиваются как щупальца осьминога в поисках жертвы).

ЖИЛЬЦЫ В СВОИХ КВАРТИРАХ (позевывая за занавесками):

— Хтой там с утра глотку дерет? (*Радостно*). Зин, Зин, беги — благоверная Мичману опять мозги полощет!

ЗИН (в пеньюаре и бигудях):

— Га-га, га-га, подвинься, валенок, га-га, га-га!

МИЧМАН (страдальческим шепотом):

— Утро раннее, не буди жильцов и вообще лиха...

БЛАГОВЕРНАЯ (на весь двор):

— Лиха? А-а-а!

МИЧМАНСКИЕ УСЫ (тянут щупальца к шее благоверной).

ЗИН (в пеньюаре и бигудях, за занавеской):

— Гы-гы, гы-гы, вот уроды!

БЛАГОВЕРНАЯ (на весь двор):

— А колесо новое покупать — откуда шиши?

МИЧМАН (микшируя):

— Так из моей пенсии...

БЛАГОВЕРНАЯ (на весь двор):

— А-а-а! Из твоей? Из вашей адмиральской, товарищ командующий? Да твоего тут вообще ничего, кроме паров синюшных! (*Названивает однокласснице, Наташке-разведенке, обрисовывает ей во всех несусветных подробностях инцидент, гонит взбаламученную пену на Мичмана*).

МИЧМАН (индифферентно покуривает, прислонясь к трансформаторной будке).

МИЧМАНСКИЕ УСЫ (дробно барабанят по щекам Мичмана).

НАТАШКА-РАЗВЕДЕНКА (подъехав, вытащив зад из машины, округлив глаза и разведя лапищами):

— Опля — сюрпрайз!

БЛАГОВЕРНАЯ (благодарно взрыднув):

— Ты представляешь, Натусь, представляешь! (*Исходит соплями и желчными соками, тыкнув победно в направлении Мичмана средним пальцем правой руки, падает в тачку к разведенке, и воодушевленные подруги, оживленно обсуждая случившееся, уносятся в неизвестном направлении*).

МИЧМАН (стоит и думает):

— Да, задался денек.

МИЧМАНСКИЕ УСЫ (выбивают азбукой Морзе сигнал «Спасите наши души» обозримым галактикам).

ЖИЛЬЦЫ ЗА ЗАНАВЕСКАМИ:

— Ну, уроды, мля, в натуре! (*Поскучнев, садятся завтракать*).

МИЧМАН (затушив о подошву третий окурок, возвращается в супружескую обитель, где — принципиально в дачных штиблетах — ложится на диван, чтобы поразмышлять о бренности сущего).

* * *

Полежав и утихомирив колобродившие заросли под носом, Боря стал собираться в гараж. Запаску по-любому ставить надо, потом ехать за новым колесом и к благоверной — они с разведенкой, по всему, на дачу по-дались. Так пока не наварили там до чертиков...

А тут — звонок. Кто б вы думали — Леша Давкин.

— Слушай. — Ни «привет» тебе, ни «здрасьте», ни еще чего. — Ты в гаражах сегодня будешь?

— А что?

— Да, понимаешь, тормоза пошаливают. В самый пол топлю, а... Посмотрел бы?

Это при том, что Давкин к Боре никогда за подобным не обращался. Только Боря усы приструнил, тут они опять — мелкой рябью.

— Что ты сам-то, — говорит Боря. — Отрегулируй...

— Я-то сам-то, — ржет Давкин, — но твой совет... Ты ж у нас мастер!

— Сегодня нет, — сказал Мичман вслух, — никак. Завтра давай или на днях.

— Не-е, — заканючил вдруг Леша, — сегодня, сейчас. Мне завтра тещу в огород везти, с утра. Тебе-то хорошо, ты без тещи, а с тещей, сам понимаешь, с тормозами надо тип-топ, вдруг не довезу, греха тогда...

В общем, понес такую ахинею, что Боря, еще пару-тройку раз категорически извинившись, сбросил звонок. Теща какая-то с тормозами, без тормозов, что за басни, блин...

Но, получается, в гаражи сейчас — не резон. Леха этот, пузатый, прилепится с тормозами своими. Там делов-то, да и сам Давкин справится, вряд ли что серьезное. А без запаски — как же? Надо идти. «Через сорок пять минут пойду, — решил Мичман. — Заберу запаску — и назад, в прения не вступая. Что я им — мальчик?»

Сорок пять минут надо было что-то делать. Лежать надоело, да и мысли, когда лежишь, про кругу. Про дурость женскую беспросветную, про задавшийся веселенький денек, вообще про все расчудесное. Как подвывания вскрытой тачки. Когда не надо, орут, а тут колесо отфигачили — хоть бы пикнула. На колеса тоже сигналку можно — думал, лишнее, кто же знал? Вот тебе и мастер.

Боря, было, пылесос достал, но чисто в квартире. Что-что, а порядок супруга поддерживает, не отнимешь. И мешок для мусора едва припух. В холодильник заглянул, но только поморщился. Занялся торшером, там кнопка включателя западать стала, ерунда вопрос, но все-таки.

И опять — звонок. Предприниматель, блин, закредитованный.

— Товарищ старший мичман, — воркует, — ка-акие переживания? Чтой-то не видать вас в наших координатах...

— Занят, — буркнул Мичман, — вот и не видать.

— Дру-уже, — тянул Петрович мерзотеньким таким (поддавши уже с утра, что ли) голоском, — не в службу, а... Мне за товаром сегодня в ночь, через две губернии, а тормозной путь — метров тридцать, не меньше, а то и пятьдесят. Колодки, что ли...

— Нормальные у тебя колодки, — осадил ус Мичман, — я же смотрел...

— Вот и не усмотрел, Боренька, — ныл бизнесмен, — и на старуху бывает, может, дефект какой в материале... Я тебя прошу — ехать в ночь, не заржавеет за мной, гарантирую...

Чушь какая-то тормозная.

— Не могу я сегодня, — фыркнул Боря. — Вы там с Давкиным вместе? Так у него тоже тормоза. Вот вместе...

— Боренька, товарищ старший мичман, с тормозами не шутят, не заржавеет...

— Извини, Петрович, сегодня никак...

Сговорились, блин, что ли? Не мальчик на побегушках. Могут быть, вообще, другие планы, дела? Здрасьте, пожалуйста, все бросай — прибегай.

Боря закончил с кнопкой включателя (пружинку поменял, подтянул контакты), осмотрел утюг, микроволновку, в стиральную машину сунулся, в газовую плиту. А чего соваться? У утюга шнур у вилки лохматиться стал, на плите маленькая конфорка не фурычила. Так теперь фурычит. И со шнуром нормально. Теперь. А в холодильнике — клубничный вареный рай под загрузку. Топливо-то благоверная на дачу прихватила. Расслабляются уже, небось, с разведенкой.

Звонить жене Боря не собирался. Хотя подмывало. Но есть, знаете ли, собственная гордость. Да, женщина, да, с комплексами (с придурью, по нашему). Да, болячек не счесть, в том числе и на голову. Но не шизофреничка ведь — нормальная баба. А раз нормальная — должна сама. Вот поостынет и звякнет. Должна звякнуть. В такой-то день.

А усы, между тем, штормило. Баллов семь-восемь, не меньше. И чего им неймется?

Эти тоже хороши, тормоза хреновы. Всем что-то от Мичмана надо. Когда надо — стелиться готовы. Не заржавеет... А на то, что ему надо сегодня именно, — а на это всем глубоко и смачно... Так и ступайте вы — вкуче — и в выси, и в дали, и в глубины, и в бездны. Безграничные и беспредельные. И накройтесь там медным тазом.

И — звонок. Усищи — штопором. Не мобильный — в дверь. Кто б вы думали — дядя Серожа. Ни с того, блин, ни с сего, а с большого перепуга.

Ходить по домам, друг к другу, у гаражных мушкетеров было не принято. И не ходили, и не бывали. Боря, к примеру, и не знал конкретных адресов, где кто проживает. А дядя Серожа, получается, был в курсе. Непонятно, но виду Боря не подал.

— Дико извиняюсь, — мялся дядя Серожа, не переступая порог и моргая, как призывник перед дедами после отбоя, — за ранний визит и вообще того...

Для дяди Серожи как человека спившегося давно, причем давно не на свои, тон услужливого заискивания был, можно сказать, впитанным и пропитанным. Впрочем, по ситуации «гасконец» ловко переключался на тон вполне разухабистого панибратства. Но потому, наверно, что заявился к Мичману впервые, суетился и лебезил он намного усердней. Явно перебирая.

После многократных заверений, что дома, кроме Мичмана, никого, порог дядя Серожа, показательно пошаркав резиновыми пляжными вьетнамками, переступил. Но продвигаться вглубь квартиры отказался категорически.

«На опохмелку попросит? — подумал Боря. — Странно». Обычно до подобных просьб дядя Серожа не унижался, другие находил подходы.

— Уехала, значит, — кивал дядя Серожа, моргая на вешалку с подсветкой по обоим краям, — отсутствует, ага-ага, ну, так... Так я чего — по-свойски, ну...

— Что мямлишь, дядь Серож, — тряхнул усами Мичман. — Не тяни! Дядя Серожа заморгал еще обреченней:

— Тут, Боря, мил друг-человек, такое! Хрень на плетень. Бабешкин наш, Антон Викторович, свою «Буху» того, в хлам... Ну, не в хлам, но передок весь, да и задок по касательной...

— Как в хлам? — не сразу врубился Боря. — Что — жив?

— Да, жив-то жив, — замахал, как опахалом, блаженненький, — все, слава Иисусу, во здравии. Но передок весь в хлам, насилиу до гаражей

дотащили. Эвакуатором. Вот ждут теперь, на вас, стало быть, на тебя вся надежда...

— Чего?

— А того, Борь, как чего — твой совет, твоя консультация, как же, ждут...

Боря присел под вешалкой, лоб потер, усы пощупал — завиваются гвардейски-георгиевски.

— Когда он влетел-то?

— Да только-только вот, с утра...

— Че-е-его? Он полицию вызывал? ДПС?

— А чего, а... Того, — припал перед ним на корточках посланец, — а я и не в курсе, Борь... И не спросивши. Эвакуатор — да, «бэха»-то в хлам, а уж оформлял он, нет — не ведаю. Вижу — ой, мать, в хлам, считай, нет передка — что такое? Он: «Давай за Мичманом!» Ну, я и к тебе... Сам-то жив благополучно, только башкой, наверно, втемяшился. Подрагивает так, котелком-то, подрагивает, и руки ходуном... «Борю, — говорит, — Борю позовите, ему одному хочу, его только надо»...

— Че-е-его?!

— Тебя зовет, Борь, тебя и... и-и-и, — раззаикался гонец.

— Блин, — вскочил Мичман, — так он «скорую» вызывал?

— Дак того, — заморгал еще пулеметной вестник, — а и явно нет. По «скорой» его б, того, разве ж в гараж...

— Он дурак совсем?!

— Шоковое состояние, в башке небось шарики за ролики! Гоголь-мо-голь всмятку!

Из подъезда Мичман выскочил первым, дядя Серожа поспешал, задыхаясь. Пронеслись по двору, мимо одинокой праворульки — поразъехались соседи, день-то выходной. Прямо по проезжей части помчались, не по тротуарам. Боря-то мчался, но и дядя Серожа на своих ревматических не отставал. Мичманские усы колыхались как знамена летящей в атаку конницы.

— Какого... он... с места ДТП уехал, — орал, не оборачиваясь, Мичман, — кто виновник-то?

— Я ж, Борь, — хрипел дядя Серожа, — ни сном, ни духом... Вижу — в хлам, сам — того, не-е а-адекват, прости господи, жжжо...

Мичман бежал, легко пружиня от асфальта, а в голове прыгали, стукались друг о друга и о черепушку мелкие стальные пружинки: «Какой! Же! Зряшный! Сегодня! День! Глупого! Сколько! И! Ди! От! Ско! Го!»

Побежали по соседнему двору, проходному, наискосок, напрямки. Потом по скверу, не добегая до трассы, тоже дуром, через кусты, напролом. У дяди Серожи вьетнамка слетела, поотстал, матюкаясь. Не просто слетела — отвалилась к чертям держалка от шлепалки. Вьетнамки для таких скачек не предусмотрены. Дядя Серожа подобрал подошву, зашкандыбал в одной вьетнамке, ойкая на колючках и камешках; хоть и деревенское детство, а отвык босым.

* * *

Мичман вылетел на третью линию, сразу почуввав косяк какой-то, но продолжая переть. У гаража Бабешкина стопорнулся, как в битум влип. И понял, в чем косяк: а где этот «икс пятый» искореженный? Машин у гаражей не было, никаких. И никаких людей — ни живых, ни мертвых,

ни нормальных, ни долбанутих. Если битый в хлам «БМВ» уже в гараже, то как втащили и кто? И зачем? И почему двери закрыты?

— Мать моя женщина! — заорал сзади дядя Серожа. — Что ж ты такие дерби устраиваешь? Хочешь, чтоб и меня шандарахнуло?

Гаражная дверь распахнулась, как бы приглашая войти.

Мичман стоял, не шелохнувшись, по струнке вытянувшись. Усы трепетали.

В проеме было пусто и темно. Потом с боку осторожно высунулась круглая рожа Давкина. Потом с другого, как нашкодившие, — рожи Петровича и Бабешкина.

— Сюрпрайз! — заорал, осклабившись, Давкин.

А эти двое, гнусавя почему-то марш Мендельсона, выкатили Боре под ноги колесо. Его колесо. Левое заднее. То самое. Синими бантиками перемотанное.

— А, Борь, ты сегодня ничего часом не потерял? — ржал из-за двери Давкин.

— Принимай, товарищ Мичман, — кланялся, придерживая колесо, согнувшийся пополам бизнесмен.

— От чистого сердца! — заходился симулянт-ДТПшник. — Простыми словами!

Дядя Серожа рухнул пятой точкой прямо на бетонку и, прижав к левой груди увечную шлепку, визжал по-щенячьи.

— Так, — усмехнулся Боря. — Вопросов нет. Нет вопросов.

Четко повернулся налево, прошагал с прямой спиной до своего гаража, четко повернулся направо, достал ключи, открыл.

— Эй, Боря! Товарищ старший мичман! Да ты не понял...

Боря не слушал. Зашел, дверь закрыл на засов. Включил свет. Запаска — вот она, где и оставил, на стеллаже, рядом с зимней резиной. Мичман взял запаску, пошел к двери. Постоял, не открывая. Присел в креслице у верстака, запаску рядом поставил.

По воротам забарабанили.

— Мичман, эй! Боренька, мы же по-дружески... Все на место поставим, не переживай! Выходи, эй! Гюльчатай, высунь личико!

Мичман не реагировал.

— Эй, не тормози! А то таможенник уже при смерти! Шизеет! — гоготали за воротами.

Мичман не реагировал.

За воротами пошущукались, прыснули, постучали уже ласково.

— Так мы, того, Борь, поставим твое левое заднее! Слышь?

Помолчали, потоптались, пошептали еще.

— Так мы пошли?

— По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там, — бравурно подвыл гнусавый «гасконец».

За воротами стихло. Мичман аккуратно разгладил усы. Они покорно замерли. Мичман встал, подошел к стеллажам, внимательно высматривая. Ящик с инструментами открыл, у него это — целый сундук, по спецзаказу, на две стороны открывается, разъезжаясь в бока на несколько раскладывающихся отделений, и весь инструмент — как на ладони. Скрупулезно изучил содержимое. Закрыл. Прошелся вдоль стеллажей. Бейсбольную битку взял, рассмотрел, похлопал по ладони. Положил на место. Взял кувалду у стены, махнул рукой два раза. Подошел к воротам. Включил свет. Открыл засов. Вышел. Пошел было, но вернулся, приста-

вил кувалду к воротам. Достал ключи, запер гараж. Тронул усы — не шелохнулся. Правильно. Взял кувалду и пошел к гаражу Бабешкина.

Жарило всюду, утро давно закончилось, тени между гаражами почти не было. Мичман шел под слепящим солнцем, левой рукой промокнув воловьи веки, правой сжимая широкую гладкую и потную ручку.

Дверь была прикрыта, но Мичман знал, что они там. Он распахнул дверь и, взяв кувалду наперевес, прямой как струна, шагнул...

* * *

За дверью было темно, Мичман размахнулся вслепую...

На кувалду навалились сразу трое. Давкин, обхватив тонкий мичманский стан, давил его всей тушей.

Мичман упал, раскинутые руки прижимали Петрович с таможенником, дядя Серожа держал ноги, а Давкин, восседая, орал:

— Совсем, идиот, сбрендил! Шуток не понимаешь!

Мичман пыхал в усы и дергался, распластанный.

— Дядя Серожа, давай! — крикнул Давкин.

Дядя Серожа, бросив ноги, метнулся вглубь, протянул, проливая, Давкину большую кружку, тот затряс ею над Бориной головой, норовя влить в сомкнутый мичманский рот. Горькие капли падали с усов, обжигали губы.

— Давай, давай, чудак человек, — приговаривал Леша. — Давай, для тебя ж стараемся...

— Боренька, мы же искренне, — заламывал правую руку Петрович.

— С днем рождения, придурок! С! Днем! Рож! День! Я! — выворачивал левую Бабешкин.

Давкин насел, сжал голову, от кружки было не отвернуться. Алкоголь шибанул в нос, перехватило дыхание, Мичман закашлялся, захрипел, вскинулся, задыхаясь, чтобы всплыть, всплыть.

Мушкетеры отскочили, переглядываясь.

Мичман сидел, прислонясь к гаражным воротам и отхаркиваясь на бетонную стяжку. Мушкетеры молчали. Мичман утер усы и поднял на них свои не то коровьи, не то ослиные.

— Поздравили, значит? — подмигнул. — Спасибо за поздравления.

— Глупо, глупо-то как, — запричитал Петрович. — Ты уж нас, Боренька, мил друг, прости...

— Все они, Борь. Их идеи, — подтявкнул дядя Серожа.

И кувалду босой ногой отодвинул.

— Вот, — протянул Леша кружку, — тебе от нас. Читай.

Давкин поворачивал кружку перед Мичманом. На ней была его, Борина, фотография, как он, при погонах, но в тельняшке, глядит куда-то вдаль мечтательно (подловили мушкетеры момент, отфотошопили) и надписью крупно и волнообразно: «БОРЯ, ПОМНИ! ДЛЯ СТАРШИХ МИЧМАНОВ ПОГРУЖЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ ОТ 0,5 л».

— Между прочим, ром. Гавайский. Настоящий. Расплескалось чуть не половина...

— Настоящий? — Боря протянул руку.

И выпил. До дна, там не 0,5 уже, конечно, но все же. Усы рукой промокнул, выдохнул, крикнул.

— С! Днем! Рож! День! Я! — взревели мушкетеры. А босоногий гасконец даже хлопнушкой бабахнул — за дверь, наружу.

Бабешкин врубил свет:

— К столу, раздолбай, в честь именинника!

А во глубине гаража, действительно, стол ломится. Шикарный, прямо скажем, стол. Курочки гриль, балычок, карбонад, колбаска, осетрина, форель — нарезками, сальце нежное, селедочка маринованная. Помидорчики, огурчики, зелень всевозможная. И посреди всего благолешия — лобстеры с огромными клешнями, на отдельном блюде, чтобы подчеркнуть внимание к ностальгирующей по океанским штормам и ветрам (хотя, скорее, к мало-предсказуемым и темным глубинным водам) мичманской душе. И бутылочки в два ряда, само собой. То есть, постарались мушкетеры на славу.

Мичман, всего раз качнувшись, к столу прошел. Сам всем наполнил.

— Всем, — сказал, — штрафную.

И загалдели, выдохнув, напряжение сбрасывая.

— Борь, мы ж как лучше хотели!

— Боря, не держи зла!

— Это все Леха!

— Отзынь, все подписались!

— Не, идея его!

— Перестарались, товарищ Мичман, но из лучших, кем буду, побуждений!

— Ты же наш кореш, понимаешь, наш корешок, мастер, блин, бриллиантовые руки!

— Это все уважение наше, наше почтение!

— Розыгрыш это, понимаешь? Модно сейчас! Мы сценарий по ходу меняли!

— Ага, звоним, ты не идешь! Еще звоним! Ну и дядь Серожу решили, что он там наплел?

— Я строго по сценарию — строго!

— Ой, ладно, не звезды!

— А колесо мы тебе прям сейчас поставим, я лично!

— Переборщили, да!

— Отзынь!

Мичман прошелся вдоль бабешкинских стеллажей, поковырялся, выудил ножницы садовые. Мушкетеры притихли. Бабешкин, нанизавший на вилку селедку, губами возле вилки шлепал, как та селедка когда-то. Боря подошел к дяде Сероже, взглянул ласково. Кротко, но четко выдернул у прослезившегося гасконца идиотскую шлепку. Выудил на стеллажах какой-то каучуковый ошметок, ножницами поколдовал. Протянул обновленное изделие.

— А-а, — потянул пальцами дядя Серожа, — как влитая, как так и было! Сносу не будет знать!

И, всунув в воскрешенную вьетнамку бурый свой лапот, гоголем по гаражу прошелся.

— За мастера! — распростер объятья Петрович. — Мастерство не пропьешь! Дай обниму, душа ты моя!

— Святая, — шмыгал и истекал дядя Серожа, — святая душа!

— Меня-то, — салютовал вилкой мытарь, — вообще планировали на этом столе уложить! Представляешь, заходишь ты, а я — под простынкой! Вон она! Как под саваном вообще! И ты тут, типа, как, мля, такое? А я вскакиваю такой с кружкой — сюрпрайз!

— Но не по сценарию пошло, пришлось, ухо с мухой, импр-р-овизировать!

- Да ты нас так, вообще, впросак! Переиграл! Заставил поволноваться!
- Чуть в штаны все не наделали — с переляку!
- Ну, прям, в штаны!
- Да дядь Серожа по ходу, и того! Как там, дядь Серожа, не тянет?
- А колесо мы поставим!
- В голубых бантиках!
- Ах-х-ха!

Мичман смотрел на друзей, улыбался, помаргивал. Лобстеров сам раздирал, раздавая мушкетерам. А сказал-то за всю гулянку всего ничего. Что-то вроде:

— Не, не гавайский ром. Палево. Палево натуральное.

Кувалду злосчастную дядя Серожа под шумок в свой гаражик снес — от греха. Вернули уж потом. Без синих бантиков.

А левое заднее наутро Мичман ставил сам. Так уж получилось. И когда там его благоверную угораздило от разведенки пришарахаться, и каковы были в связи с этим пертурбации мичманских усов — никому неизвестно.

ВЕЖЛИВЫЙ ВОЛОДЯ

Володя был в «Светлячке» смотрящим. Не в блатном, воровском понятии. Да он и не сидел. Но все-таки слово соответствует.

С Сашкой, владельцем, они чуть ли не одноклассники, или в одном дворе родились. Сашка-то теперь за городом живет, в коттедже, въезд через шлагбаум. А Володя — как и жил: в соседнем дворе, в двухкомнатной, с мамой. Нет, его по жизни помотало, не всегда он там жил. Первую чеченскую отбыл срочником, вторую — контрактником. В бэтээре горел. Он, вообще-то, женат был дважды, детей не то трое, не то четверо. Но всю недвижимость оставил бывшим супругам с потомками, а сам опять к маме. Так, благо, есть куда.

Неясно даже, платил ли Сашка ему вообще. Может, и приплачивал когда-то, но, с другой стороны, так, чтобы на постоянной, с жесткими обязательствами — вряд ли. Не те отношения. Скорее, Сашке с Володей просто повезло.

При таком бизнесе защита необходима. Крыша. Слава тебе, не отморозки на распальцовках — не девяностые. Но отстегивать приходится — для спокойствия бизнеса. И просто, чтобы он существовал в принципе. Это априори, а кроме того, клиент тут частенько нервный, невоздержанный. В основном, понятно, на язык, но, бывает, так взбудоражится человек, что попрет на рожон. Сменщицы, да, народ опытный, осаживают таких петухов, как правило, на раз. Но зарекаться от форс-мажоров кто же будет? Поэтому Володя с его душевным расположением к «Светлячку» пришелся весьма кстати.

Мужики одно время подумывали, что Владимир к кому-то из сменщиц неровно дышит. Но, поразмыслив, сочли: голяк. И с Ларисой, и с Надеждой Володя был накоротке, но одинаково. Наравне подкалывал, наравне задушевничал, наравне покровительствовал. И джентльменствовал одинаково. Надо какие-нибудь коробки передвинуть — поможет, и в дни рождений или на 8 Марта мог заявиться с букетиком. Но когда Лорик или Надин грязные стаканчики с огрызками за клиентами подбирали, когда полы шваброй терли — стоял рядом, не вмешивался. И когда новый завоз, при приемке товара, в разгрузке-переноске не участвовал, стоял на

своем коронном месте — угол у окна и наблюдал за процессом, локти на стойку закинув и ухмыляясь. Случалось, Сашка и сам, время — деньги, носит, на кореша исподлобья посматривает. А Володя ему прямо в глаза щурится: нет, мол, братан, не подряжался, это твой крест. Хотя, бывало, раз несколько Володя в роли экспедитора выступал, брал накладные, приезжал с товаром. Настолько Сашка ему доверял, получается. В таких случаях, наверно, и доплачивал. Но и тут до неквалифицированного ремесла грузчика Володя не унижался. Разве только если Лорик или Надин впопыхах за какую-нибудь тару ухватятся, Володя сурово, но бережно изымал из женских, совсем не хрупких рук ящик и небрежно доставлял на точно отведенную позицию. Выразительно взглянув при этом на запыхавшегося бегать от машины к подсобке Васю или Колю. И те уже, понятно, подобной нерасторопности не допускали. Хотя пару-тройку раз были свидетелями мужики, как после закрытия заведения, уже в двенадцатом часу, щепетильный Володя лично тащил огромные пластиковые мешки с вонючим алкогольным мусором на контейнерную площадку через дорогу, во двор, где мини-типография. Ну, так какое тут для него унижение — сплошное джентльменство.

«Что, сладкий Лорик, удел твой горек?» — скажет, бывало, зайдя с утра. Или: «Как спишь, Надин? Я вот один». Ну, и ржут вместе. Но, правда, с Александрой, женой Сашкиной, такого единодушия не было. Что там между ними пробежало, судить сложно, но сохранился стойкий нейтралитет. Что, впрочем, всех устраивало. Александр и сама, чего стесняться, на Сашке ездила, а тут, понимаете, кореш какой-то авторитетом давит. Но, как женщина дальновидная, смирилась.

В «Светлячке» Володя мог дневать сутками, а мог неделями не появляться. Деньгу, понятно, где-то зашибал. Он, между прочим, водила классный, из дальнобойщиков. Но так было поставлено дело, что и в отсутствие Володи его, что ли, дух в заведении присутствовал. Витал незримо. И дух, надо сказать, благородный.

Вот странность ведь: ничего, казалось бы, особенного для того Володя не совершал. Как все, травил анекдоты да байки; как все, поминал добрым словом жирующих на нашем горбу сволочей; как все, привирал и скабрезничал. Но было при всем при этом некое, черт побери, благородство. Некий, так его и вот так, кодекс. Молоть мели, брехать брещи, упейся вдрызг — твои канделябры, на то и заведение. Но есть пределы, понимаешь? Есть. Блевать, скажем, в помещении нельзя. И на крыльце. Хамить персоналу, они здесь — не девки на трассе. И с какими бы тараканами не пришел, держи в мозжечке: завтра проспирься, захочешь зайти опять. Так, чтобы завтра к тебе — по-человечески, соответствуй. Сегодня, сейчас.

Есть такой Рома Душок, из конченных. Он бывший не то боксер, не то борец. Чуть ли не камэас, как заверяет. Но уже лет двадцать не просыхает. Хотя все равно лосяра такой, и с трех рюмок туда же, пыжится. Вот этот Душок как-то Надин облапал, гнусно так, с залезанием. И та, главное, отбивается, а он регочет и продолжает. Она — в подсобку, он за ней ломится. Она — дверь на засов, он тарабанит. Ну и обкладывает так, что... Мат — он ведь разный, в разговоре чего только не проскочит. Многим, вообще, без него никак, и двух слов не свяжут. Но есть мат оскорбительный, мерзкий. И вот этот Душок, значит, ломится в подсобку и загинает, и загинает.

Тут-то Володя и вошел. Мгновенно оценил ситуацию и такой хук

приложил к камээсовой скуле, что тот как бревнышко: брык — и в угол по кафелю въехал. Никакой похабщины уже не несет, лежит — и только ножками подрыгивает. А Володя его за шкурку — и со ступенек. А на улице и говорит, спокойно, без эмоций:

— Если ты... — Ну, тут понятно, какие определения и обстоятельства. — Еще хоть раз своим поганым ртом в радиусе трех камэ от заведения выкнешь, я твой гнилой язык... — Ну, и далее по тексту.

Душок кровичу рукавом размазал, зубы последние выплюнул и пошкандыбал. Больше его в «Светлячке» и в радиусе не бывало. Пьет теперь фанфурики из аптеки.

Ну а вежливая Володина аура в «Светлячке» еще более укрепилась.

Странно, но присутствие этой загадочной, но вполне определенной ауры ощущал не только постоянный контингент «Светлячка», что понятней, а и нерегулярный посетитель. И даже залетная птица, запорхнувшая на жердочку «Светлячка», чтобы клюкнуть очередную подзаправочную — в затыжном-то перелете из тьмы во свет и обратно. Причем не только в присутствии нашего Володи, но и когда его физическое тело находилось в совсем иных измерениях. Ощущался «Светлячок» местом ненавязчивой, но настойчивой силы. Его, Володиной.

Так что смотрящим он был вполне объективно — к радости и с согласия владельцев, при четком понимании и уважении завсегдатаев, а также в смутных, но безусловных ощущениях случайных гостей.

Лубой, осиливший довольно крутые порожки «Светлячка» (шесть ступенек, потом площадочка с перилами и под углом в девяносто градусов вход — весело было Роме лететь), мог, взобравшись, увидеть Володю в его коронном углу в коронной позе — ноги расставлены, локти на стойке, грудь вперед, полуулыбка. Над дверью висели тонкие металлические трубочки, возвещавшие переливчатым блямканьем о визите очередного посетителя. Летом была прохлада, над окном жужжал, плевался и истекал ручейком наружу, под ступеньки, кондиционер. И в холода было уютно; кондюк, когда надо, и на обогрев включали.

Володя смотрел на входящего: если знакомый — жал руку, обменивался парой веселых фраз, если впервые — просто смотрел. Одобрительно. Будет ли общение — зависело от поведения гостя. Заскочил на миг здоровье поправить — вперед и с песней. Хочешь с продавщицей полюбезничать — да ради всех святых. Душу пришел излить, накипь выплеснуть — исполать. Темы любые — от мировых катаклизмов до измен коварных жен и бездарности сборной. Обо всем Володя говорил с мягкой полуулыбкой и небольшим прищуром, собирающим возле глаз располагающие к беседе продольные морщинки.

При том при всем физиономия у Володи была, что называется, крестьянская. Монгольские скулы, подбородок топором вытесан. Белобрысый, бровей почти нет. Хотя лицо, в целом, неширокое, продолговатое, скорее.

Но первое, что в глаза бросалось, — нос. Не нос, а, как говорится, рюха: мясистый, раздутый нарост, не красный даже, как у конченых, а пунцовый, с прожилками. И пятно это за пределы носа выступает, с одной стороны, к левому глазу, с другой, почти к виску. Неприятное, что говорить, пятно, нездоровое.

Увидевший такую пунцовую рюху, вроде бы отторжение должен чувствовать явное. И незнакомый человек, который ни ухом, ни рылом про подорванный БТР, бросив поначалу на нее взгляд, старался потом, особенно, если воспитанный, впрямую на Володю не смотреть. Но, как пра-

вило, через пару-тройку мгновений посетитель и Володя общались уже как давние и хорошие знакомые, поглядывая друг на друга доверительно. Володя себе в стаканчик подливал сухонького, собеседник — чего душа требует.

Кстати будет сказано, Володя не пил ничего крепче красного сухого. И только холодное. Даже зимой. Лариса и Надя, да и Александра, между прочим, ставили специально для Володи бутылку с сухим красным в холодильник. Другие клиенты, бывало, тоже холодненьким пользовались, но все *свои* знали, что оно — прежде всего — для Володи. Выпить он мог немеряно. Мог и неимоверно. Но ясности разума не терял. Разве что рюха больше обычного пунцовела да прожилки обнажались.

* * *

Вечером, не поздним еще: час пик в разгаре, народ с работы только добирается, были в «Светлячке» — кто? — Леша Давкин, Петька Щелчок, Гасилов, положительный мужик. Да, Павел Евгеньевич еще цедил свои пятьдесят крашенных. Уважаемый, в целом, народ.

Стоят, общаются. А Володя уже с утра не первый литр, настроение самое располагающее. Грудь уже не просто вперед, а колесом, плечи богатырские, жесты шире, прищур зорче и улыбка до ушей. О чем терли — не суть, в основном Володе внимали. Он — в центре, на коронном своем, они вокруг кучкуются.

И тут заходят. Двое. Парочка. Она — соплюшка соплюшкой, крашенная-перемазанная, мини, каблуки, пирсинг в ноздре, как прыщ, спина голая, тату на лопатках — птички летят к звездам, звезды синие, птички красные, как будто воспаление по коже. Он — тоже молокосос, затылок бритый, чернявый, в трениках, шкет, девахе (она же еще на каблуках) в пупок дышит. Но верткий такой, пружинный. И видно, что наглый. Вмазанные оба уже будь-будь.

И вот эта малолетняя носом вертит, фыркает: что за ассортимент, сплошное палево! А ассортимент не хуже, чем у других, может, и лучше. О чем Лариса спокойно и говорит. А та:

— Знаем-знаем: никто не жаловался, потому что никто не возвращался.

Нагло так, как с холопкой. Лорик и замечает резонно:

— Вам, родные, вообще ничего не налью. Вон за спиной, видите, крупно, черным по белому: «Лицам, не достигшим 21-го...» Паспорта предъявите.

И вот этот шкет, глаза навывкате, загривок ежом, заявляет:

— Я тебе, такая-то и такая-то, сейчас свой... предъявлю. Наливай... — И по тексту.

Лорик — человек бывалый, но и у нее рот повис. Ничего себе малолеточки! И мужики напряглись. На Володю посматривают.

— Эй, — говорит он, — молодой человек, вам не кажется, что вы заведением ошиблись?

А тот разворачивается и буром, просто буром:

— Ты, — говорит, — рожа синюшная, вообще молчи, с тобой пока никто не разговаривает.

Мужики, признаться, от такого напора опешили. Только Давкин, крикнув, сказал: «Эй!». Или, может быть, Петя Щелчок.

Володя говорит спокойно:

— Вообще-то мы уже разговариваем.

— Нет, — улыбается шкет, — еще и не начинали.

Девица его дергает, пойдем, мол, ну их ко всем. А тот своим ежиком мотаает, бычится, губа струной.

— Нет, — говорит, — пусть она нальет. Баклажку.

Мужики понимают — вызов. Неизбежный. Стали животы подтягивать. А Володя, смотрят, белый как мел. Несмотря на рюху.

— Налей ему, Лорик, — говорит медленно, — налей.

Лорик трясущимися руками наливает. Шкет вполоборота стоит, носом шмыгает. Девица крашенными потряхивает. Мужики молчат. Володя тоже.

Тут кое-кто из них начинает кумекать: Володя-то мудро поступает. Заведение здесь приличное, пьяные разборки в помещении ни к чему, если с криминалом — так и всю лавочку прикрыть могут. Так что пусть себе валят, соображают мужики, до ближайшей подворотни. А там...

Лорик крышку ввинчивает, баклажку отдает. Эти расплачиваются, выходят. Слава богу, молча, без эксцессов. Но этот шкет — как пружина. Если бы он, конечно, позволил себе там взгляд или плевков, еще неизвестно. А так — ушли.

Мужики на Володю поглядывают, как, мол, пора? А он в глаза-то не смотрит — в окошко куда-то.

Мужики стоят обескураженные. Казус. Главное — в таком расположении были, а тут... И Володя молчит. Лариса всхлипнула и в подсобку ушла.

А Володя все далями законными любит, как в первый раз видит. Из стаканчика отхлебывает.

Ну, и стали как-то расходиться. Молча, не обсуждая. Только Давкин выдохнул да сказал: «Э-эх». Или Гасилов.

Потом, разумеется, пошли пересуды. Мол, до чего молодежь распустили, шпана шпаной, уголовщина. Это бы еще так-сяк, но ведь хамло какое. Ни морали, ни идеалов. Никакого уважения к возрасту. Лорик ему в матеря годится, Павел Евгеньевич — чуть ли не в прадеды. И что, конечно, сплеховали все. От неожиданности, от напора, от настроения душевного. При этом тему Володино поведения обходили. Поскольку было тут что-то совсем уж странное, непонятное. И, как бы это помягче, не очень-то геройское.

Обходили-обходили, да и начали потихоньку развивать. Поскольку Володя с того случая в «Светлячке» не появлялся. Может, конечно, за башлями подался в очередной раз, но обычно он об этом предупреждал. У Сашки поинтересовались, где, мол, кореш? Тот руками развел — не знаю, не ведаю.

Ну, и начались разговорчики. Дескать, все оно понятно, и сами-то мужики не на белых конях, но Володя-то с его, понимаешь, аурой? Ведь что получается — сплеховал. Поведи он себя по-другому, и мужики бы горой. А что — как высекли всех. Как котят носом в лужу. А он-то, при всей его силе влияния хваленой, получается, струсил? Да-да, именно такое слово получается. Именно оно. И всех других за собой потянул, в том же свете выставил.

Шли дни, недели. Володя в заведении не появлялся. Не объявилась, кстати, и та парочка малолеток. Ну так они пришлые, залетные, бес бы с ними совсем.

А вот без Володи «Светлячок» хирел. Нет, так же заходили и одиноч-

ки, и компании, так же подхохотывали и причмокивали, так же затевался случайный или душевный разговор. Или случайный перерастал в душевный. Но не было уже ощущения той спокойной, устойчивой и, в общем-то, радующей всех ауры. А было ощущение распада, неопределенности, безвременья. Неуверенности в завтрашнем дне и отсутствия перспектив.

Володю между тем кое-кто уже и похаивать начинал. А уж про былую его мощь и вовсе не поминали.

* * *

В Яблочный Спас Павел Евгеньевич поехал на Юго-Западное. Подмел могилки отца и мамы, покорябал землю маленькими грабельками, сорные заросли садовыми ножницами покорчевал. На скамеечку присел, понял, что скособочилась, надо бы заново вкопать. Да и оградку покрасить нужно. Может, по весне уже?

Ну, и назад пошел, на остановку. А мимо храма проходит — тут и Володя из врат.

— Павлу Евгеньевичу, — щурится, — наше с премногими!

И замечает пенсионер, что Володя-то в стельку. Но в пиджаке. Никогда его таким не видел. С таким-то развозом — да в Божий храм?

— А-а, — машет рукой, — батюшка свой человек. Пойдем, Павел Евгеньич, посидим-потолкуем.

— Да где ж тут?

— За мной, все схвачено.

Ведет старика на территорию администрации, за контору, за подсобки со складами. А там, действительно, уютный такой мини-садик. Яблони растут, клумба разбита, курилка и лавочка. Присели. Володя из внутреннего кармана бутылку достает. Водки.

— Вы ж к своим, — говорит, — ходили? И давайте — за помин душ.

Павел Евгеньевич чисто символически отпил. Володя приложился солидной. Пенсионер спрашивает:

— А вы тут, Володя, какими судьбами?

— А я, — говорит, — Павел Евгеньевич, к маме ходил. Потом в церковь зашел, поставил за упокой. Сорок дней.

— Как, кхе-гм... Сорок уже? Вечная память!

— Вечная, — кивает Володя. — Давай, Павел Евгеньевич, за рабу Божию...

— Царство небесное...

Сидят. День такой неспешный. Приятная тень.

— Что же, — сказал, побряхтев, старик, — вы не сообщили ничего... общим, гхм-хм, знакомым?

Володя взглянул на него несколько даже иронически:

— А надо было?

— Вы, Володя, меня извините, — засуетился пенсионер, — я просто сказал, не подумав... Не сказали никому — ваше право... Сколько лет было матушке? Болела?

— Болела. У нее хронических с десятков. А сгорела в два дня.

— Сорок дней — это значит... — принялся высчитывать Павел Евгеньевич.

— Сорок дней вчера было. Я все сорок — ни грамма, слово дал. А сегодня — вот. — Володя махнул бутылкой. — Еще?

— Нет, Володя, — приложил руку к сердцу старик, — я ее вообще...

Володя отхлебнул, завинтил крышку, поставил бутылку в ноги и достал из внутреннего кармана пиджака небольшой блокнотик в кожаной, но изрядно потрепанной обложке. Не торопясь, перелистывал красными крепкими пальцами. Павел Евгеньевич видел сбоку, что страницы исписаны ровными столбцами крупного, по-детски круглого почерка.

— Вот, — сказал Володя, сплюнул и стал читать слегка нараспев, но не заунывно, произнося некоторые — нужные — слова отрывисто, как команды:

Ты, наверно, не спишь, родная,
Ты, наверно, грустишь обо мне.
Здесь стреляют и здесь убивают.
Но иначе-то как на войне?
На заре, под крылом журавлиным,
Мы идем по чужой весне,
Где растяжек растут паутины.
Но не буду я — о войне.
Здесь стреляют и в грудь, и в спину,
День и ночь, наяву — не во сне,
Не один тут братишка сгинул.
Только я не хочу — о войне.
Я хочу о тебе, родная:
Как ни трудно тебе, но пусть
Ты дождешься меня. Я знаю:
Если ждешь ты, то я — вернусь.

Помолчали. Яблочки, мелкие, розоватые с черными точками, покачивались над лавочкой. Понападало их уже и на песочек вокруг курилки, и в траву за лавочкой.

— Ваши? — спросил Павел Евгеньевич.

Володя кивнул.

— Здорово.

— Прямо уж, — усмехнулся Володя.

— Нет-нет, — загорячился старик, — чувство есть, настроение. Это в стихах главное. И размер соблюден, почти, и ритм, м-да, и рифмы...

— Что — рифмы?

— Есть... Ну, «родная» и «убивают», может быть, почти не рифма, но...

— Вам, книголюбам, виднее, — улыбнулся Володя.

— Маме писали?

— Маме.

— А она что говорила?

— А ничего, — прищурился Володя. — Я ей не читал. Она у меня простая, испереживалась бы. Писал маме, а читал братишкам. Хвалили. А ей писал, что почти курорт, сижу в гарнизоне при складе.

— Это на первой или на второй?

— На второй. И вот что, Павел Евгеньевич, интересно — там писалось одно за другим. — Володя повертел в руках блокнотик. — Весь полный. А вернулся — как отрезало. Ничего, и думать забыл. Сейчас вот достал, читаю — а и ничего вроде бы.

— Неплохо, неплохо, хорошо.

— Уж и хорошо. — Володя хотел вернуть блокнотик в карман, но Павел Евгеньевич упрямился, взял книжечку, стал листать, поправляя оправу.

Володя потянулся к бутылке, отхлебнул. Почерк был понятный, но ошибок много, безграмотности. Темы, собственно, одни и те же. Тоска по дому, по маме, сомнения в верности оставленных друзей, преданность солдатскому братству. И претенциозность встречалась, и напыщенность, и неумение выразить мысль. Подражания — Есенина, чувствовалось, автор читал. Наивно, да, но, где не фальшивил, было и что-то трогательное, что-то бередящее. Или это от водочки, выпитой хоть и в тени, но в довольно жаркий день?

— Знаете, Володя, — Павел Евгеньевич поправил оправу. — Это надо в газету отдать. Могут напечатать. У меня есть друзья, у них знакомые в редакциях. Только надо на компьютере все набрать. Сейчас все в электронном виде. У меня есть знакомый...

Володя протянул ему бутылку, Павел Евгеньевич машинально отдал блокнот. Володя сунул книжицу в пиджак. Посмотрел весело, почти по-прежнему:

— Ладно, подумаем.

Павел Евгеньевич машинально отпил.

— Как там, — подмигнул «чеченец», передернув рюхой. — Косточки перемалывают?

— Кхе, — усмехнулся и книголюб, — не без того. Да что вам до них...

— Они, — сказал Володя весело, — не поймут. А я знаю, как человек смотрит, когда готов... И тут — кто первый успеет, кому повезет. Он придурок был, сопля, но готов был...

— Да, — кивнул старик, — и нож в правом кармане.

Володя взглянул на книголюбца с удивленным уважением.

— И нож. Но основное — глаза. Вы ведь, Павел Евгеньевич, человека не убивали?

— Да, — сказал Павел Евгеньевич, — да-да.

Они сидели под яблоней, в тени, слышали, как чмокают, сорвавшись с ветки, подгнившие яблочки, видели, как выстраиваются караваном по жарящему еще августовскому небу полупрозрачные фигурки облаков, чтобы лететь дальше, куда-нибудь на юга. Разговаривать не хотелось.

* * *

Тут выяснилось, что мама Володи болела последние лет пять весьма серьезно. А за полгода до уже и не вставала. Похоронил, как положено, на Юго-Западном. Оно закрытое, но подзахоронил к бабке с дедом. Никого из «светлячковских» не звал. Только Сашка с Александрой вроде бы были. И бывшие жены с потомками плюс мамыны одногодки. Причем ни на девять, ни на сорок дней ничего в «Светлячке» не устраивал. Почему? Да не устраивал и все, его право. Он и в «Светлячке» тогда не бывал. Понять можно. И нужно. Потом и вовсе пропал на полгода. То ли дальнотойщиком, то ли на севера подрядился.

И вдруг опять, как ни в чем не бывало, вот он я, прошу любить, надеяться и верить. Стоит на своем коронном, сухонькое потягивает, байки травит, со сменщицами перемигивается. Мужики зайдут, он с ними перетрет, дымнут на крыльчке в антракте между приемами. Одни уйдут, другие притопают. Он со всеми радушен, все его уважают. Такой же, как был, словно и не пропадал. Только рюха еще мясистей и пунцовой. И чтобы что-то в его адрес или там по поводу вякнуть — я вас умоляю. Нет такого и быть не может.